

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наше Шаткое **РАВНОВЕСИЕ**

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Мария Высоцкая
Наше шаткое равновесие
Серия «Законы безумия», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67336224

SelfPub; 2022

Аннотация

Я любила его. Но все, что нас теперь связывает – ребенок, о котором он не знает!

Когда ты стоишь на краю пропасти, то всегда нуждаешься в том, кто успеет схватить тебя за руку. Не даст упасть. Он не дал. Появился, вдохнул жизнь, а потом сам же сломал и выкинул, как ненужную игрушку. И ты опять у пропасти, только теперь совершенно одна. У тебя есть выбор: упасть или учиться жить самостоятельно. Я выбрала второе, и у меня почти получилось. По крайней мере, получалось до тех пор, пока он не появился вновь...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	32
ГЛАВА 4	51
ГЛАВА 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мария Высоцкая

Наше шаткое равновесие

ГЛАВА 1

Женя

– Лунга наша приехала, – орет Дариша, – Женька, какая ты загореленькая.

– Сама ты Лунга, – смеюсь, сгребая ее в охапку, – как я по вам всем соскучилась, – воодушевленно оглядываю зал.

Пальцы пробегают по полированной барной стойке, огромной стеклянной вазе с апельсинами, вдыхаю такой родной и любимый запах нашего уютненького ресторанчика. Наш маленький рай, наша гордость, наш «Зефир». Вкусный, воздушный, приготовленный с любовью.

– Роман Денисович, – улыбаюсь, – как Ваши дела?

Рома кивает официанту и с широкой улыбкой на лице двигается в нашу сторону. У него, как и всегда, гладко выбритое лицо, модная укладка с переизбытком геля на черных волосах, на глазах очки. И носит он их не потому, что зрение плохое, нет, ему так стилист посоветовал. Личный имиджмейкер. Рома давно уже не мелкий бизнесмен, у него несколько ресторанов по городу, но в душе он до сих пор

мальчишка с душой нараспашку. Мне иногда за него даже страшно. И вот как такой человек может быть дельцом? Не понимаю. В кругу моей семьи часто приходилось сталкиваться со всевозможными богами мира сего, и все они, как под копирку, строили из себя напыщенных индюков. Хватких, кровожадных.

А вот Рома... Рома из другого теста. Мне иногда кажется, что не он владелец этого ресторана, а я. По крайней мере, если бы не мой характер и железная дисциплина, установленная мной внутри этих стен, все уже давно бы развалилось.

– Лунга, приехала наконец-таки, лягушка-путешественница.

– Приехала-приехала.

– Когда на работу выйдешь?

– Ну вот, как всегда, с корабля и сразу на бал...

– На баррикады, – подтрунивает Зотова.

– Дарина, уволю, – уже Рома.

– Не уволишь. Кто твоим гостям десерты «пальчики оближешь» готовить будет? Сам, что ли?

– Язык у тебя, Зотова, оторви и выбрось.

Пока Дари и Рома пререкаются, осматриваю зал, замечая тысячу минусов, возникших в мое отсутствие. Торшер в дальнем углу у столика за ширмой не работает, официанты в неглаженных фартуках, как у себя дома, расхаживают, на баре полный бедлам творится... всех уволю. Но сначала выпорю хорошенько.

– Ром, что за бардак у тебя творится?

Мохов непонимающе оглядывает зал, хмурится, а потом поворачивается ко мне.

– Какой бардак, Жень?

– Рома, меня всего десять дней не было, а здесь... ужас.

Помоги чемодан в кабинет занести.

– Значит, на бал уже сегодня?

– Сейчас. Дарин, иди на кухню уже, нечего кондитеру в зале делать.

– Слушаюсь и повинуюсь, товарищ Лунга.

– Иди ты.

– Жень, ты помнишь, что права свои так и не обмыла перед улетом?

– Помню...

– Сегодня хороший день, – смеется, крутя в руках апельсин.

– Хорошо. Я сейчас с делами разберусь, и вечером посидим. Мама с Полей все равно через неделю вернутся.

– Договорились. Я Вилке скажу...

– Хорошо. Ром, тебя тоже приглашаю.

– Ну спасибо, товарищ директор, удружила.

– Старалась. Все для нашего любимого владельца.

– Зотова, брысь отсюда уже. Жень, я как раз хотел с тобой обсудить пару вопросов, – берет мой чемодан.

– Ну пошли тогда.

В «Зефир» я устроилась пять лет назад. Официанткой.

Да-да. Именно официанткой. Забрала документы с первого курса юрфака и решила стать кем-то, непохожим на всех членов моей семейки. Как ни странно, получилось. Хотя мне пророчили такое... некоторые дальние тети и тети тетя уверенно заявляли, что я со своим характером окажусь на улице без гроша в кармане. Спасибо, но их пожелания не сбылись.

В «Зефир» Рома лично утвердил меня на ставку официанта. Мы словно с первого взгляда поняли, что нуждаемся друг в друге. Поначалу казалось, что это любовь... но любви у нас не вышло. Я в тот момент как раз узнала новость, которая в корне поменяла мою жизнь, и отношения мне стали совершенно не нужны. Родители, а они у меня люди серьезные, долго противились моему выбору профессии, а когда узнали, что я беременна, просто с катушек слетели. Папа думал, что ребенка мне Ромка заделал. А вот и нет... В приказном тоне велел бросить все, вернуться домой, а еще лучше – сходить в больницу. Конечно, как судейская дочка может быть каким-то официантом, еще и залететь в девятнадцать лет неясно от кого?! Для них это неприемлемо.

Только вот за эти пять лет я сама, без родительских подачек, вытащила себя в люди. Когда мама узнала, что я больше не девочка на побегушках, а деловой, можно сказать, человек – удивилась. Они-то думали, что я рожу Польшу и превращусь в клушу-наседку. Не угадали. Хотя помогли в тот период, очень помогли...

И, наверное, я их понимаю. Родителей. Я всегда жила в

своём выдуманном мире розовых бабочек и единорогов, в отличие от моей сестры. Правда, жила я так до определенного момента, про который мои родители не желают вспоминать. Им так проще. Забыть. Вычеркнуть. Сделать вид, что ничего не было. Только вот я – все помню. Невозможно вычеркнуть из жизни то, что тебя изменило. То, из-за чего все пошло наперекосяк... нельзя.

По лицу скользнула печальная улыбка, которую я попыталась молниеносно убрать. Поправив выющиеся локоны, прошла в открытую Ромой дверь и по-хозяйски уселась в свое кресло. Ромка расположился на диване.

– Ну давай, Ром, не тяни.

– Жень, ты не хотела бы попробовать себя в качестве совладелицы?

– Что? Ты серьезно?

– А почему нет? Ты сама видишь, что дела у меня не очень... это здесь ты все контролируешь, не воруеть... а в других ресторанах все совсем иначе происходит. Не руководитель я. Поиграл, отцовские деньги поразбрасывал, хватит, наверное... куда больше.

– Ну я думаю, не все так плохо... к тому же, Ром, нет у меня столько денег, чтобы долю выкупить... даже если я и хочу, денег у меня таких нет. Еще и машина эта...

– Что машина?

– Должны скоро из Америки доставить... я же говорила.

– Точно, прости. Забыл! Да, Жень, дело же не в деньгах...

– А в чем? Ты только что мне говорил, что теряешь... убытки у тебя.

– Убытки.

– Давай так... я помогу тебе с другими ресторанами. Может, придется кого-то уволить...

– Ты чудо, Жень.

– Ты бы лучше себе бизнес-консультанта нанял, а не имиджмейкера, – мягко смеюсь, наливая в стакан воды.

– Тогда завтра с утра подвезу бумаги и премию.

– Про премию сам сказал...

– Сам-сам. Так что у нас там в зале?

– Ах, в зале... ну пошли, разбор полетов устроим.

В зале собираем пятиминутку. Посетителей мало. Понедельник, дообеденное время, занято всего пара столиков. Рома усаживается на барный стул, показывая бармену жестом, что хочет кофе.

– Итак, мои дорогие, мой отъезд наглядно показал, кто из вас останется работать с нами дальше, а кому придется нас покинуть.

Начинаются перешептывания, которые раздражают еще больше. Вдыхаю воздух и, сцепив перед собой руки в замок, ощупываю каждого смотрящего на меня беглым взглядом.

– Миша, Света, Валя, Федор и Марта остаются, все остальные можете зайти ко мне за расчетом. Не стоим истуканом, работаем, – вновь мягко улыбаюсь и, отобрав у Ром-

ки кофе, вышагиваю в свой кабинет.

Мохов плетется следом.

– Жестко ты, Евгения Андреевна.

– Нормально. Если люди пришли сюда пинать балду, а не работать, нам с ними не по пути, – открываю двери в кухню.

– Евгения Андреевна, – дверь распахивается следом за нами, – там сикипер полетел.

– Ваня, вызови мастера, разве я должна этим заниматься?

– Я просто... просто, чтобы вы были в курсе...

– Уволь меня от подобных подробностей. Все внештатные ситуации вы с администратором разруливаете сами, и только в случае полнейшего фиаско сообщаете мне. Но я думаю, зная меня, вы не захотите до этого довести! Ведь правда?

Парень кивает и быстрее ветра улетучивается в зал.

– Вилка!

– Жень, с возвращением. Как отдохнула?

– Много.

– Скажешь тоже. Я только об отпуске и мечтаю. Зажралась ты, Евгения Андреевна, – понижает голос, подходя ближе.

– Хотя, если без шуток, то Греция – это что-то божественное. Смотрелась в рай и обратно.

Вечером мы, как и договаривались, едем в клуб. Не очень я их люблю, но народ просит, отказывать не хорошо. Да и

откажешь им, пожалуй. Покусают же.

– Ох, Жень, как я тебе завидую. Мне с моим Лешиком и ипотекой отпуск еще не скоро светит.

– Вил, – говорю громко, чтобы хоть немного перекрычать музыку, – я совсем не понимаю, зачем ты с ним живешь?

– Не начинай, Жень.

Виола отмахивается, а у меня остается осадок на душе. Я про этого Лешика четыре года слышу. Он как тот мерзкий песок на зубах. Поперек горла, и плеваться хочется. А Вилка терпит. В любовь какую-то верит. Какая, к черту, любовь? Ему просто удобно. Вот так жить на всем готовом, месяцами типа искать работу, а потом плакаться ей в юбку, какой он несчастный и какие злые люди вокруг. Противно. Отвратительно.

Я уже сто раз пыталась вправить ей мозги – бесполезно. Дура баба. Ду-ра!

– Не человек – фанатик, – хмыкает Зотова. – Я бы отдыхала себе и отдыхала, а эта – пропащий единорог. С самого утра сегодня по реститу бегала.

– И не говори, Дарин.

– Хватит нудить, тетеньки, ощущение, что вам уже лет так... – закатываю глаза, делая глоток martini.

– Вот сейчас аккуратнее, да, Вил?

– Да-да, Женя Андреевна, вы поумерьте пыл...

– Нудятина вы, девки, пошлите танцевать?

– Я за любой кипиш, я женщина свободная, – Дарька стис-

кивает ладонями свои сиськи и ржет.

– Идите, девочки, я домой буду отчаливать...

– Вилка, – скулю, сжимая ее руку, – ну что твой Лешик, жрать себе без тебя не разогреет, спать не ляжет? Мы всего час здесь...

– Разогреет, но скандалу все равно быть. Он же работает, молодость на квартиру гробит.

– А ты, бля, дома сидишь, – не выдерживает Даря, – хорошо устроился, я смотрю...

Зотова вообще прямая, прет как танк, преград не видит. Что такое тактичность, она знать не знает, да и не расстраивается особо по этому поводу.

– Я с ней согласна, между прочим, – киваю поддакивая.

– Нет, девочки, давайте без меня, – Виолка грустно улыбается, начиная копошиться в своей сумке.

– Ладно, пошли вдвоем тогда.

– Вил, тебя проводить?

– Я сама. Хорошо отдохнуть, девчат!

– Спасибо, – Зотова провожает Виолку взглядом. – Ну что, Лунга, зажжем? – поворачивается уже ко мне.

– Зажжем – это не про нас, спалим все нахрен...

– Вот, вот это разговор. По шоту?

– Давай.

В баре Зотова расходится не на шутку, накачивая себя алкоголем и присматривая очередного мужика. О... это целая схема. Даря ищет посолиднее, только всегда каких-то идио-

тов находит. Тут либо схема не работает, либо... впрочем, неважно.

Пока Дарина облизывает губы, подыскивая новую жертву, рассматриваю бутылки на полках бара. Запал пропал, и пить мне совсем не хочется. Заказываю чай, а потом и вовсе сваливаю домой. Зотова не против моего исчезновения, уже добычку подыскала.

Расплачиваюсь с таксистом и поднимаюсь на свой этаж. Слава Богу, что живу отдельно. Хотя уходила со скандалом. Родители совершенно не хотели выпускать меня из золотой клетки. Как я, вся такая розово-воздушная мечтательница, проживу в суровой реальности? А вот живу. Хотя сначала был трындец. Полька со слабым иммунитетом, вечные больничные, в садик не поведешь, на работе отгулы... денег не хватает. В общем, самостоятельности я хлебнула по полной.

В девять я уже в ресторане. Открытие у нас в десять, но я всегда приезжаю заранее. Всегда проверяю все лично. Пунктик у меня такой. Хотя, на самом деле, просто маниакальная помешанность на работе. Видимо, больше помешиваться не на чем. Личную жизнь устраивать как-то не хочется. Нам с Полей и вдвоем отлично живется. Вот и остается работа и моя малышка.

– Женя, – Рома распахивает двери, улыбается, снимая

куртку, – я привез бумаги.

– Хорошо, иди в кабинет, я подойду через пару минут. Может, тебе кофе принести?

– Да, давай, черный, две ложки сахара.

– Ваня, сделай, пожалуйста, – улыбаюсь бармену, просматривая отчет за вчерашний день. Вроде все неплохо – и выручка, и посещаемость, но что-то настораживает. Не знаю что. Возможно, я нервничаю из-за нашей с Ромой договоренности...

Ладно. Страхиваю эти ненужные мысли и, зажав папку под мышкой, направляюсь в кабинет, не забыв прихватить кофе.

– Держи, – ставлю чашку на стол.

– Спасибо. Вот смотри, изучай... если что-то не так – говори...

Киваю, пробегая глазами по первому листу документов.

– Хорошо, – убираю папки в верхний ящик стола.

– Я на выходные к отцу улетаю на юбилей, поэтому все дела теперь на тебе.

– Ну это еще через четыре дня, Роман Денисович.

– Верно. Как отдохнули вчера? Прости, что не подъехал, Анжелика скандал устроила.

– Да не оправдывайся. Нормально отдохнули. С душой.

– Жень, я тогда поехал, если что – набирай.

– Хо-ро-шо, – бормочу, не поднимая глаз от документов.

Почти до вечера не выхожу из кабинета. За время отпуска

накопилось слишком много бумажной волокиты. Нужно все просмотреть, проверить. Плюс новый штат собирать. Половину старого-то я уволила.

Допиваю третью порцию кофе. К тому времени, как пустая чашка стоит на столике, а я почти заканчиваю сверять чистую и бухгалтерскую прибыли, приползает Зотова. Ее появление, как и всегда, эпично. В руках бутылка минералки, под глазами патчи, и ведь она так сто процентов весь день работала. Только патчики менять успевала, в общем, ночь у Дарьки прошла на ура.

– Пошли проветримся, а?

– Минуту, – вытягиваю указательный палец вверх, – идем, – убираю документы.

Зотова прикуривает тонкую ментоловую сигарету, закатывая глаза. Мы стоим на заднем дворе. На улице прохладно. Осень в этом году слишком холодная, вроде еще конец октября, а по ощущениям – зима зимой.

– Блин, как мне плохо, – скулит, выпуская дым.

– Пить меньше надо, – смеюсь.

– Евгения Андреевна, там пришли, начальство спрашивают, – вещает Ленка, выглядывая на улицу, обхватив себя за локти.

Киваю.

Быстро иду обратно, выискивая глазами того, о ком говорила Лена.

– Здравствуйте! Вы меня спрашивали?

Молодой человек, явно меня не слушая, проходит в сторону моего кабинета, внимательно осматривая помещение. Как-то по-хозяйски, что ли, от этого становится не по себе.

– Простите, у нас...

– Девочка, хозяину звони, разговор есть.

– Что, простите?

– Ты глухая или тупая? – усмехается, а я, кажется, бледнею.

Что здесь происходит?!

– Я директор этого ресторана, – отрезаю ледяным тоном.

– Тогда, мадамка, дело плохо, – нависает надо мной своей громоздкой фигурой, – бабло стрижете, а не делитесь. Разве так можно?

Он сейчас серьезно? Усмехаюсь, приподымая бровь.

– А у нас что, девяностые вернулись?

– А они далеко и не уходили. Короче, теперь каждый месяц будешь отдавать мне тридцать процентов от прибыли. Я же, в свою очередь, позабочусь о том, чтобы с вашим бизнесом не возникало никаких проблем.

– Что еще сделать? Может быть, в полицию заявление написать о вымогательстве!

– Попробуй, дорогая, но полиция уже здесь, – достает удостоверение. Как можно быстрее запоминаю фамилию и ОВД, кажется, это местное.

– Поэтому лучше не усугублять. Завтра чтобы приготовила полтинник, будем считать это благотворительным взно-

сом, чтобы я забыл твою дерзость, иначе многое может случиться. Пожар, к примеру.

Мужчина едко ухмыляется и, сунув мне в руки листочек с номером телефона, развернувшись на пятках, уходит.

Он уходит, а я стою, как окаменевший овощ, не в силах сделать хоть что-то.

– Ты чего? – Зотова хлопает дверью, и я отмираю. – Смерть увидела?

– Кажется, у нас проблемы.

ГЛАВА 2

Рома приезжает только после девяти. Немного хмурый, но с надеждой, что все обойдется. Вижу это по его глазам. С ходу протягиваю ему листок, а сама замираю у окна. Только этого всего нам не хватало.

– Ром, и что делать будем?

– Платить, Жень.

– Ты с ума сошел?

– Нет. Если он реально мент, нам только хуже будет.

– Ты издеваешься? Хуже? Хуже?! – перехожу на крик. – Ром, надо в полицию идти, в УСБ... не знаю. Но это все незаконно! Нужно что-то с этим делать, а не соглашаться на их условия.

– Ты реально думаешь, что в нашем отделении не в курсе?

– Думаю! Не знаю... – начинаю паниковать, потому что в его словах есть правда... не могут они не знать.

– На этом и остановимся. Я позвоню ему завтра сам. А ты не лезь! Слышишь, Жень, не надо из себя железную леди строить.

– Может, отцу позвонить...

– И что он сделает?

– Не знаю. Ничего не знаю, Ром. Но и платить – не выход, ты же понимаешь, что это рэкет какой-то... у него, может, вообще удостоверение поддельное.

– Вот завтра я все и выясню. Езжай домой, Лунга, глаза уже краснеющие.

– Ладно, – накидываю на плечи пиджак, – ладно.

Из ресторана сразу еду домой. Но даже там, в теплой и уютной квартире, меня потряхивает от произошедшего. А еще от злости и бессилия. В такие моменты я жалею, что все-таки не доучилась на юридическом. Хотя что-то бы знала, куда бежать, что делать. А так... так все пустое.

Выхожу из душа, аккуратно намотав полотенце на голову. У зеркала тщательно мажу лицо кремом, зацикливаясь на своих красных белках. Да уж. Работа за один день сделала то, от чего я избавлялась десять дней отпуска. Опять этот больной взгляд и синяки под глазами. Так и в кому свалиться недолго.

На кухне завариваю зеленый чай с мелиссой. А потом подпрыгиваю от неожиданно раздавшегося в дверь звонка. Перевожу взгляд на часы – полпервого.

Тихо подхожу к двери, отодвигаю задвижечку глазка. Вилка?

Быстро открываю замки, впуская Лужину в квартиру.

– Вил, ты чего так поздно?

– Прости, я звонила, ты, видимо, не слышала, – опускает глаза. – Жень, можно у тебя переночевать?

– Конечно, – пячусь, – что за вопрос?!

– Спасибо.

– Вил? Что случилось? Опять поругались?

– Хуже, мать его нагрязнула. И с порога, как всегда, понеслось... а самое обидное, знаешь что?

– М?

– Эта рухлядь старая упрекнула меня неумении готовить. Меня! Я шесть лет в Париже отработала, в мишленовском ресторане, пока сюда не вернулась... и его не встретила...

– Тихо, спокойно. Пойдем чайку попьем?

– А покрепче есть что?

– Найдем, Вил.

На кухне я достаю из шкафчика бутылку текилы. Осталась еще с Зотовского дня рождения.

– Садись, я сама все сделаю, – отбираю у нее из рук нож и тонко нарезаю сыр, – лучше бокалы достань.

– Где?

– Там справа наверху.

– Все, вижу.

Быстро сообразив мини-банкет, усаживаемся за стол. Вилка надкусывает ломтик сыра, и, словно за упокой, опрокидывает стопку текилы, закусывая ту лимоном. Соли она избегает.

– Полегчало?

– Немного.

– Ну и хорошо.

– Женя, я завтра на работу к обеду приду, прикрой, если что. Нужно домой съездить, вещи кой-какие забрать.

– Решилась?

– Не знаю... сейчас на двести процентов уверена, что не вернусь к нему больше. На развод подам, сколько можно? Он полгода на диване лежал, я за двоих пахала... и все равно изо дня в день во всех бедах была виновата.

– А я тебе еще два года назад говорила...

– Говорила, Жень, говорила. Только сказать-то просто... а сделать...

– Все, прекрати это уныние. Нормально все будет. Прекрасно даже! Слышишь?

– Слышу. Лунга, как же я тебя люблю. Что бы делала, если б ты к нам, вся такая зелененькая, официанткой работать не пришла, а?

– Зотовой бы плакалась.

– Зотовой поплачешься, у нее ж от всех проблем одно лекарство.

– Ага, член.

– И я о том же.

– Хотя тебе не помешало бы парочку присмотреть, – наливаю еще текилы.

– Ну что ж, тогда устроим кастинг. Вот разведусь и уйду в загул. Такой, что Зотовой не снилось...

– Ты полегче. Мне Даринки с ее похабными историями одной вот так, – показываю куда-то выше своей головы, – хватает.

– Ну вот, а у меня только душа в рай полетела. Кстати, Жень, а что у нас там за инцидент в ресторане?

– Ой, Вил, сама еще не разобралась. Какой-то мужик приходил. Деньги за крышу вымогал.

– Крышу?

– Ага.

– Он какой год на дворе видел?

– Видимо, не видел. Не знаю... Рома сказал, будет платить. Дурак наивный! Неужели не понимает, что они так еще больше присосутся?

– Что делать думаешь?

– Пойду завтра в ОВД наше схожу. У него в ксиве черным по белому наш район прописан.

– И что хочешь узнать?

– Да не знаю еще. Там видно будет.

– А хуже не будет?

– Куда уж хуже...

– Ладно. Хватит о грустном, еще по одной?

– И спать.

Утром я оставляю Вилку дома, а сама, вооружившись красной помадой, еду в наше местное ОВД. С детства не люблю все эти государственные учреждения Мороз по коже. Расплатившись с таксистом, накидываю на голову капюшон, чтобы хоть немного скрыть укладку от ветра. Волосы у меня длинные, густые, пшеничного цвета. Свои, ни разу не крашеные. Да и укладки я люблю, даже на курсы ходила, так, чтобы немного свои унылые будни разнообразить. На губах

кричащая красно-морковная помада. На ногах черный тонкий капрон, а тельце запрянуто в узкое вязаное серое платье-миди.

Поправив пальтишко, захожу внутрь, сталкиваясь лицом к лицу с дежурной частью. Немного больше воздуха в легкие. Все будет хорошо. Женя, все будет хорошо!

– Здравствуйте, – мило улыбаюсь, но на этого, я не побоюсь сказать, грозного мужчину, мои улыбки не действуют, – я могу поговорить с кем-то из начальства?

– Слышишь, Вов, с порога и сразу к начальству. Что случилось, девочка?

«Я вам не девочка», – очень хочу сказать, но тактично молчу.

И лишь поборов злость, открываю рот.

– У меня заявление... понимаете, ваш сотрудник вымогает деньги у нашего ресторана.

Мужичок тушует, бегающими глазками смотря на своего напарника.

– К Игорь Юричу ее отправь, это по его части, думаю, – вздыхает второй, кивая куда-то в сторону глубокого и мрачного коридора.

– Прямо до упора и налево. Кабинет сто одиннадцать.

– Спасибо, – жду, пока разблокируется турникет, и, быстро перебирая ногами, следуя указанным маршрутом.

У двери еще раз поправляю волосы, конечно, от волнения, а не из желания кому-то понравиться. Красная помада,

кстати, туда же, с ней я просто чувствую себя воинственной.

Стучу, дожидаясь хоть какого-то ответа. Но когда его не следует, тяну ручку двери на себя, заглядывая внутрь, и понимаю, что там пусто. Топчусь на месте, не зная, что делать и куда идти. Навстречу идет какой-то мужчина, я не вижу его лица. В коридоре не слишком светло, и я только хочу открыть рот, чтобы спросить, как он заговаривает первый:

– Ты ко мне с заявлением о вымогательстве?

Киваю. Не в силах ответить. Потому что я знаю этот голос. Этот голос – мой личный ад. Мой проклятый привет из прошлого.

– Заходи.

Меня злит его фамильярность. Это тыканье, но почему-то сказать об этом вслух я не решаюсь.

– Присаживайся. Рассказывай.

И смотрит так, будто не знает. Или не помнит? Хотя, наверное, таких, как я, у него были сотни. К чему запоминать каждую.

Как под гипнозом, сажусь на стул, сглатывая огромный ком в горле.

– Вчера к нам в ресторан пришел мужчина, представился сотрудником полиции, сказал, что мы должны платить. Показал удостоверение. Там был указан ваш отдел, вот я и подумала... – бормочу себе под нос, стараясь смотреть на стол или же на свои руки.

– Вымогательство, говоришь, – постукивает ручкой, – так

что там с заявлением?

На автомате протягиваю листок в его сторону.

– Так, ага, пришли, вымогали, примите меры... на юридическом, что ли, училась? – убирает мою писанину в ящик стола.

– Не доучилась, – хмыкаю, наконец поднимая глаза.

Мурас склоняет голову чуть вбок, а потом самым обыденным тоном спрашивает дальше:

– Фамилию запомнила того, кто приходил?

– Да, я там написала.

Он хмурится и вытаскивает лист обратно.

– Морозов. Хо-ро-шо.

Хлопает в ладоши, а на губах почти в прямом смысле загорается какая-то ядовито-предвкушающая улыбка.

– Пошли, – поднимается, шагая к двери.

Я иду следом, не совсем понимая, что происходит.

– Посиди тут, – останавливается и открывает дверь допросной, когда мы проходим мимо, – я сейчас подойду.

– Ладно.

Сцепляю руки в замок. Замирая на пороге этой... комнаты. Серой, холодной, пустой. Стол, два стула и решетка на окне. Интерьерчик.

Игорь возвращается не один. Точнее, вначале он почти закидывает в помещение того самого мужика-вымогателя, после заходит сам, закрывая дверь на ключ.

– Начнем? – приподымает бровь.

– Что? – ступаю назад, чувствуя, как упираюсь спиной в ледяную стенку.

– Этот? – кивает на... парня.

Да, этот показавшийся мне вчера громадным мужиком на самом деле молодой парнишка. Широкоплечий просто. И, кажется, до смерти напуганный.

– Что он хотел, какие требования были?

– Процент и деньги сегодня. Как компенсация.

– Компенсация, значит? – ухмыляется, прожигая того взглядом. – В свой карман?!

Я смотрю на все это действо и понимаю одно – второй раз я не выпутаюсь. Мне нужно бежать. Срочно. Быстро. Сейчас. Но я стою. Мой мозг уже сообразил масштаб проблемы, только вот не перещелкнул с канала на канал.

– Игорь, я объясню...

– Конечно, объяснишь, Олег. Конечно.

Мурас подходит ближе и не жалея сил бьет парня под дых. Тот складывается пополам и сползает по стенке на пол.

Я взвизгиваю, но моментально затихаю, стоит только этим глазам полоснуть по моему лицу.

– Виновные наказаны. А сейчас о наших баранах. Ты хозяйка?

Отрицательно качаю головой.

– Баба, что ль, его?

– Нет. Я управляющая.

– Хорош хозяин, мужик! Бабу за себя разбираться посы-

ляет, – убирает руки в карманы. – Сегодня, говоришь, Олежа с ним договаривался? Номер своего хозяина давай, сам встречусь. И да, пойдешь с этой бумажкой куда-то еще, пожалеешь, – щелкает меня по носу и как ни в чем не бывало возвращается в свой кабинет.

Я прикрываю глаза. До сих пор не веря, что это он. Прошное накатывает с двойной силой. Что мне теперь делать?

На улице делаю глубокий вдох, словно он когда-то кому-то помогал успокоиться. До ресторана добираюсь пешком. Мне нужно проветрить мысли, а еще лучше, похоронить все, что сейчас лезет в голову, и никогда не вспоминать.

Почему он появился именно сейчас? Это чья-то шутка? Или я вновь в чем-то провинилась? Не знаю. Знаю только одно – мне нужно держаться от всего этого подальше.

В ресторан захожу уже с улыбкой, точнее с ее подобием.

Иван приветливо кивает и протягивает чашку кофе.

– Спасибо, – делаю глоток, и чертов кофе становится поперек горла.

Мурас уже сидит в нашем зале. Рома заглядывает ему в рот, сидя напротив. Черт! Мохов кидает на меня взгляд, и я резко отворачиваюсь к бару. Нужно бежать. Оставив чашку на баре, быстро топаю в кухню. Я в домике. Меня никто не видит.

Но, конечно, это все отговорки. Ромка забегает почти следом.

– Лунга!

– Я Лунгу, – кривлю рот.

– Да мне плевать. Ты охренела? Ты какого черта к нему поперлась? Я тебе говорил никуда не лезть, я бы сам все решил. А теперь... теперь этот, – кивает в зал, – хочет, чтобы все дела решались через тебя.

– Что?

Вот это очень неожиданно. Неужели он помнит... вновь хочет поиграть? Ну я ему поиграю. Так поиграю, что на всю жизнь импотентом останется. Сволочь!

– Хорошо, – задираю подбородок и походкой от бедра иду в зал.

– За что мне все это? – Рома возводит руки к потолку, а потом идет за мной.

Все еще гневаясь, минуя пару столиков и без всяких любезностей и улыбочек сажусь напротив Мураса.

– Итак, давайте обсудим, что вы там от нас хотите? – приподымаю бровь.

– Ну вот, – ухмыляется, – я же говорил, с ней куда интересней. Роман тебе все расскажет.

– Мы на брудершафт не пили, – начинаю нервничать, – не нужно мне тыкать.

Скоро взорвусь от злости.

– Это предложение?

– Извольте. Это просто факт, – успокаиваюсь, – Роман мне все расскажет. Доброго Вам дня, будем рады видеть Вас в

нашем ресторане, — улыбаюсь, убирая локон волос от лица.

Эта сволочь как-то странно на меня смотрит, а потом, едва заметно кивнув, идет на выход.

— Ты обалдела? Нам с ним дружить надо, а ты... куда лезешь?

— Рома! — шиплю. — Нам избавиться от него надо, есть у меня один знакомый...

— Хватит, Жень. Нет.

— Ладно, — закатываю глаза.

Да сейчас, так я на все это и согласилась. Будем играть по твоим правилам, товарищ майор. Как только Мохов уезжает, я звоню Витьке. Юлькин однокурсник, он с детства за ней увивался, но сестра особо вниманием его никогда не жаловала.

— Вить, привет, это Лунгу.

— Юлька? — голос радостный.

— Другая, Вить, Женья это.

— А... привет. Что-то случилось?

— Давай встретимся сегодня вечером, пара вопросов есть.

Ты же здесь на районе, в нашем отделе служишь?

— Да. Где встретимся?

— У меня в ресторане. Знаешь, где это?

— Да был разок. Найду.

— Спасибо.

— А что за дело?

— Жизни и смерти.

Убираю телефон и только сейчас задаюсь вопросом, а почему я не позвонила ему с утра. Или вчера. Почему сразу к нему не пошла, а тупо наобум в ментовку поперлась? Господи, ну дура же. Дура. Отпуск однозначно плохо повлиял на мои мозги.

Ровно в семь Виктор при параде, в капитанской форме, сидит за одним из столиков. Киваю официанту, и тот приносит нам две чашки чая.

– Привет, – подхожу сзади и медленно отодвигаю соседний стул.

Витя кивает.

– Спасибо, что пришел.

– Давай уже по существу. Я дежурю сегодня.

– В общем, тут такое дело. У нас деньги вымогают. Крыша типа.

– Интересно... кто, что, знаешь? Заявление нужно написать.

– Да я вот хотела... только, понимаешь, в чем дело... у нас деньги вымогают опера из вашего отдела.

Витька как-то сконфуженно оглядывается по сторонам и нервно трет козырек фуражки, лежащей на столе.

– Что? – не выдерживаю.

– Женька, прости, ничем помочь не смогу, у нас начальник СКМ новый, пару месяцев назад его назначили. Переводом. Мутный тип. Ты знаешь, все взятки берут. По мелочи, но берут. Только, Жень, многие людьми остаются. А он... в

общем, я поузнавал, беспредельщик тот еще. Не смогу я ничем помочь. Он выкрутится. Не первый раз уже на него заявления в УСБ пишут. А потом все очень гладко заминается... прости, но перейти дорогу кому-то вроде него, ты сама понимаешь... лучше заплатите.

Он сейчас серьезно? Что за бред!

– Вить!

– Жень, мне идти пора. Дежурство.

– Господи, ты следак или кто? Кого ты боишься?

– Он первый зам нача отдела. Да его ребята всю верхушку кормят. Ты серьезно думаешь, что я что-то смогу сделать? Наш начальник следствия с ним через выходные на охоту ездит. Думай сама. А лучше успокойся и заплати. Не из своего же кармана.

Высказавшись, этот трус уходит. Смотрю ему вслед, и меня потряхивает. Что за жизнь? Мир? Что за люди!!!

Хочется расплакаться, но нет времени. Нужно что-то придумать.

ГЛАВА 3

Наливаю горячую ванну и, наполнив бокал красным сухим, занырываю. Немного медитации, и я придумаю выход из любой ситуации.

Ну зачем? Зачем же ты вновь появился, скажи? Мало тебе было моего разбитого сердца. Мало издевательств? Мало. Тебе всегда и всего мало.

Закрываю глаза.

Университетское общежитие юридического факультета. 5 лет назад.

Наверное, это по праву был самый уродский день. Вновь приехал папа. Зачем он это делает? Сам сюда сослал, а теперь выдавливает из себя заботу... потому что так правильно. Конечно, правильнее быть не может. Как я от этого устала.

Суббота, соседка по комнате еще вчера уехала домой. Куда-то в область, а я, у которой родители живут на Литейке, сижу в общежитии. Потому что домой не хочу. Потому что это было мое единственное условие. Я иду сюда учиться, но дома жить не буду. Не смогу с ними. Они смотрят на меня как на больную. Прокаженную. Только вот не одна я в этом виновата. Они тоже. Но они никогда этого не признают. Никогда.

Открываю пакет с лапшой быстрого приготовления и, за-

кинув его в прозрачную глубокую салатницу, заливаю кипятком. Пять минут, и ужин готов. Только воды в чайник налить нужно. Хотелось бы еще и кофе попить, лучше с эклерами.

Залезаю на кровать. Я уже готова есть и смотреть сериалы. Вот она – студенческая жизнь. Сплошное веселье. Хотя веселья мне, наверное, хватило и в старших классах. Правда, из этого веселья почти ничего не помню. В голове осталось лишь одно-единственное воспоминание – дикая боль. Словно кости выворачивало, и все это наживую.

Вспомнив об этом, передергиваю плечами и уже нажимаю на «плей», как за стеной начинается очередная вакханалия. Это отвратительно – жить на этаже, где почти все старшекурсники. Те, которые у нас за стенкой, выпускаются уже в этом году. Поэтому подобные крики, музыка и ор – само собой разумеющееся. Это почти каждый их вечер. Мы пробовали жаловаться, но они те еще фокусники. Сколько раз комендантша ни приходила, у них тишь да гладь.

Хорошо еще, что они не знают, кто на них стучал...

Включаю свой сериал, надевая наушники. Надеюсь, они помогут, и я услышу хоть что-то кроме этого застенного ора. Пока ем свою лапшу, вспоминаю, что воды в чайник так и не набрала. Блин, теперь придется идти на кухню. А я уже так уютно устроилась. Доев, захватываю с собой и тарелку, вымою тогда.

Пока копошусь на кухне, соседская дверь открывается.

Это слышно сразу. Весь галдеж перекидывается в коридор. Сильнее сжимаю в руке губку, наблюдая, как из нее брызжет пенка. Толпа проходит мимо, курить пошли. Вообще, здесь нельзя курить. Для этого на первом этаже есть курилка. Но кого и когда это останавливало? Вечером совсем другие порядки, и курят соседи в конце коридора, окно открывают, но вонь все равно на всю общагу.

Набираю чайник и быстро иду к себе. Закрыв дверь, раздражаюсь своей забывчивости.

Тарелка. Я оставила ее на столике у раковины. Мне не хочется туда выходить. Совсем. Эта компания меня раздражает, и лишний раз сталкиваться с кем-то из них – это просто выше моих сил. Ладно! Что за бред, я тоже здесь живу и имею полное право ходить куда хочу и когда захочу. С бравадой распахиваю дверь и уверенным шагом иду в плен своему склерозу.

Мои «любимые» соседи идут мне навстречу. Вообще, там человек семь, двое из них – девки. Одну я, кстати, немного знаю, третьекурсница, вечно ко мне придирается. Не нравится ей, как я одеваюсь, хожу, дышу, блин. Все хочет лучше и краше показаться. Только вот мне все равно. Да и одежда... я привыкла к объемным вещам. Чтобы был капюшон и рукава, обязательно длинные рукава.

– Кто это тут у нас?

Не понимаю, кто это говорит, потому что смотрю в пол и вообще хочу казаться невидимкой. Мне не до них. Я про-

сто хочу спокойно забрать тарелку, досмотреть сериал, надеть беруши и лечь спать. И я точно не хочу выяснять отношения, скандалить. Ничего не хочу. Пусть просто пройдут мимо, пожалуйста.

Но когда мои надежды осуществлялись?

– Гар, так это же она с подружкой на нас коменде стучит, – вопит блондин, хватая меня за руку.

– Точно! – поддакивает кто-то еще. – Стучать – нехорошо, девочка.

Вырываю руку и вжимаюсь в стену. Становится не по себе. Мало ли что у них в голове. Они пьяны. А я... что я смогу сделать? Если начну орать, вряд ли кто-то будет вмешиваться. Эту компанию тут все знают, никто не полезет с ними конфликтовать.

– Тихо ты, Яша, – усмехается этот самый Гар, – она сама все поняла, смотри, как жметя. Умная.

– Отвалите от меня, – говорю громко, но не совсем уверенно.

– Да она еще и смелая, – он продолжает насмехаться.

– Игоречек, забей ты на нее, – пищит моя знакомая.

Но на меня смотрит с явным раздражением. Видимо, так и не привыкла, что внимание не может всегда быть направлено лишь на нее. Даже если оно и негативное.

– Ладно, – холодная ухмылка вновь касается его лица, – пойдемте, пусть валит.

Говоря это, он не прерывает наш визуальный контакт. Я

чувствую биение сердца и то, как вспотели ладони. Компашка начинает ползти в сторону комнаты, а он еще несколько секунд стоит на месте, упорно не сводя с меня глаз. А потом словно что-то лопается. В моей голове. Я вздрагиваю, а он уходит, ничего не сказав.

Обняв себя руками, несусь в комнату. К черту эту тарелку. Закрываюсь на защелку и лишь после этого сползаю по двери на пол. Меня немного мутит. Нервное.

Резко открываю глаза, понимая, что вода в ванной стала холодной. Я уснула. А перед этим мой разум решил вылить на меня лужу прошлого.

Обтираюсь полотенцем и на пару минут замираю у зеркала. Смотрю на свое отражение, понимая то, насколько я изменилась. Нет больше той забитой девочки, которая хочет казаться для всех невидимкой. Нет того страха и ненависти к миру. Есть только печаль в глазах.

Улыбаюсь сама себе, смотрю сквозь свое отражение. Я столько раз прокручивала весь этот сценарий в голове. Миллионы. Искала решения, выходы... но так ни одного и не нашла.

Сначала мне хотелось прийти к нему еще тогда и рассказать, что беременна... но потом в дело вступила гордость. Я не могла прийти после всего, что видела. Не могла. Так

прошло пять лет. А теперь все заново. Это страшно – почти забыв, начинать проживать этот кошмар повторно. Очень страшно. Потому что и теперь я не знаю, как правильно.

Поли ни в чем не виновата. Она имеет право знать, кто ее папа, впрочем, как и он. Только ему это, вероятнее всего, не нужно. А я... я просто не хочу делать больно своему ребенку. Не хочу, чтобы и она столкнулась с жестокостью и безразличием своего отца.

Накинув на голое тело халат, иду в спальню. Завтра предстоит насыщенный день. Нужно забрать машину, ее наконец-то доставили, плюс в ресторане заказан огромный банкет. Нужен мой контроль. Или же я просто хочу так думать, чтобы занять мысли хоть чем-то кроме дурацкого прошлого.

Утром вызываю такси, а вот на работу приеду уже на новеньком кадиллаке ХТ5. Черный, безопасный, глаз не оторвать. Все, как я хотела. Пока еду, наслаждаюсь запахом нового салона, внимательно смотря на дорогу. Права я получила совсем недавно, и многие отговаривали сразу брать большую машину, но когда я кого слушала? Зато теперь ползу, как черепаха, по правому ряду, и очень надеюсь, что до работы доберусь без происшествий.

Паркую машину у ресторана и, не успевая выйти, вскрикиваю, зажимая уши руками от громкого хлопка где-то совсем близко.

Медленно поднимаю голову из-за руля и уже хочу прибить эту гадину. Зотова!

Вылезаю, смотря на капот, «украшенный» разнообразной бумагой из хлопушек.

– Ненормальная?

– Жень, улыбнись, – смеется, – поздравляем с приобретением, – хлопает еще одну и заливисто ржет.

– Я тут чуть раньше времени гроб себе не заказала. Препредупреждать надо о таких сюрпризах.

– Да ладно тебе, – закидывает руку на мое плечо, – пошли кофейку выпьем. Расслабишься хоть. А то совсем плохо выглядишь.

– Спасибо, Дарин, – закатываю глаза, ставя машину на сигналку.

Мы заходим в еще почти пустой ресторан. Я всегда приезжаю заранее. Даже сегодня договорилась забрать машину в шесть утра, чтобы успеть до открытия сюда.

– Ты ради этого сегодня даже не опоздала? – усмехаюсь.

Зотова кивает.

– Надо мне почаще машины покупать...

– Хорошая идея. Ладно, пошла работать.

– Иди...

Дариша уходит, а я бегло осматриваю зал. Стоит подумать о новых шторах. У нас очень уютно. Когда я первый раз сюда попала, то влюбилась в интерьер прованса. Настоящее французское чудо. Много дерева, света, лаванды.

Поставив мысленно галочку о замене штор, прохожу в персоналку. Официанты все уже на месте. Это радует. Не

люблю, когда опаздывают. Могу даже уволить.

В кабинете раскладываю на столе очередную кучу бумаг, теперь они еще и из других Ромкиных ресторанов. Выдохнув перед боем с отчетностью, окунаюсь в него с головой.

Обедаю тоже в кабинете, точнее, съедаю пирожное, запивая английским чаем.

Часов в пять звонит Ленка. Честно, очень неожиданно. Мы с ней последний раз полгода назад виделись, у нее на свадьбе.

Ленка жила в одном со мной дворе. Наши родители всегда общались, собирались на все праздники, поэтому, наверное, мы и дружили. Потому что, как оказалось, вся эта дружба была фикцией. Милые улыбки лишь до той поры, пока не настала черед моих страшных дней. Впрочем, тогда мне было плевать, а вот потом... когда я пыталась вновь приспособиться к жизни, учиться, оказалась вовсе не нужна. Потому что не соответствую привилегированному обществу.

Отвечать на звонок мне не хотелось, я и на свадьбу-то к ней лишь ради приличия ходила, мама попросила. Нас же всей семьей пригласили в кои-то веки, не забыв, что я тоже ее часть.

Хотя ее муж, если я не ошибаюсь, на тот момент был подполковником. В подробности его работы я не вдавалась, как-то было не до того. А вот сейчас, возможно, он бы мог быть полезен.

Скрипя зубами, отвечаю на звонок.

– Женечка! Привет, узнала?

– Узнала, Кошелева, узнала...

– Я уже давно Симонова, Жень, – с обидой в голосе.

– Прости, привычка. Ты что-то хотела?

– Жень, тут такое дело, у меня малышка будет, у тебя же тоже девочка, – делает выжидающую паузу. – Я подумала, что мы могли бы пройтись по магазинам, поболтать, расскажешь мне немного, к чему готовиться.

– Хорошо, давай сегодня, часа через два....

– Отлично, тебя забрать?

– Нет, я сама доберусь. В «Детский мир» у нас здесь пойдем?

– Да, давай, заодно кофейку попьем забежим...

– Договорились.

Скидываю звонок, еще несколько секунд постукивая большим пальцем по экрану смартфона.

И зачем мне все это надо? Еще и в пятницу вечером. Ладно, сама же согласилась, придется ехать. Пока пячусь с парковки, телефон просто разрывается.

– Черт!

Чуть не задеваю бампер рядом стоящей машины.

– Спокойно, Лунгу! Спокойно!

Убью этого настойчивого абонента. Точно прибуду. На-смерть, блин.

Наконец выезжаю, останавливая машину у тротуара. Копаться в телефоне и смотреть на дорогу – явно не мое. Точно

влечу куда-нибудь.

На нервах смотрю на незнакомый номер, и внутри селится дрожь и непомерный холод. Сильнее сжимаю пальцы на ярко-красном корпусе айфона, решая, перезванивать или нет. Но выбор делает кто-то за меня.

Телефон начинает орать вновь.

– Да, – и совсем непугливым голосом.

– Привет, директор, ты ничего не забыла?

Его голос вводит меня в ступор, но я буду не я, если не возьму ситуацию в свои руки.

– В понедельник пусть твой человек подойдет, я ему все передам.

– Мне завтра нужно.

– Завтра меня не будет в городе. Позвони... те Роману, он все решит.

– Все вопросы я решаю через тебя, поэтому будь добра отдать мне все завтра.

Сволочь!

– Хорошо, – сквозь зубы.

Ругаться я с ним точно не буду. Ничего не буду. Просто заеду ненадолго в ресторан, отдам деньги и вернусь домой.

– Умница.

Дальше не слушаю, скидываю звонок и блокирую его номер. Через пару часов верну все как было, а сейчас мне просто нужно это придуманное право выбора.

Трогаюсь, медленно вливаясь в небольшой поток машин.

На парковке торгового центра вижу Ленку. Она почти не изменилась. Все те же короткие юбки, все те же пережатые белые кудрявые локоны. Поправив ворот белой рубашки, торчащей из-под пальто, подкрашиваю губы матовой помадой и выхожу на улицу. Ленка видит меня не сразу, скорее не узнает. Я махаю ей рукой и, закрыв авто, шагаю в ее сторону.

Кошелева, а ныне Симонова, немного странно смотрит мне за спину, потом очень оценивающим взглядом проходит по моей фигуре, не сразу возвращая глаза к лицу. У меня складывается впечатление, что то, что она видит, ей явно не нравится.

И дело не в том, что я выгляжу плохо, а в том, что ее совсем не устраивает, что я выгляжу хорошо. Мы не виделись с ее свадьбы, а там я старалась держаться от всех подальше. Так что разглядывать меня у нее ни времени, ни возможности не было.

– Привет, – слегка улыбаюсь.

– Привет. Ничего себе! Ты... хорошая машина. Кто подарил? Признавайся.

– Сама. Заработала и купила.

Ленка хмурится.

– Ох, конечно-конечно, – угрюмость пропадает, и она начинает ржать.

Отвечать я ничего не собираюсь. Оправдываться тем более. За годы работы с людьми я поняла одну вещь – если че-

ловек хочет так думать, не переубеждай, хуже от этого будет только тебе.

– Может, уже войдем?

– Ах да. Жень, я так рада тебя видеть. Как дела?

– Хорошо. Работа-дом...

– Замуж еще не вышла? Хотя у тебя же Польша... – поджимает губы.

Но я вижу в ее глазах удовольствие. Ей нравится все это говорить. Она уверена, что задевает меня. И делает она все это, потому что в нашей разрушенной дружбе винит меня. Только вот я, если и виновата, то точно не без ее помощи.

– Да я и не собираюсь. Замуж...

– Ты меня прости, конечно, за откровенность... но в твоём положении, еще и с ребенком... ох, не завидую я тебе, подруга.

– А говоришь так, будто очень...

Сама не понимаю, как это произношу.

Лена впивается в меня недовольным взглядом

– Нервы, – пожимаю плечами, – много работы, мужика нет, дочь одна воспитываю, вот и несу чушь.

Пусть думает что хочет. Если ей так нравится считать меня пропащей, пусть. Мне все равно, что она думает. А то, что думаю я... к сожалению, сейчас не совсем удачное время это озвучивать. Я сюда не ради ее и нашей старой дружбы перлась. Мне очень нужно поговорить с ее мужем.

Под общее молчание мы проходим в кофейню. Я окиды-

ваю помещение строжайшим взглядом... дурацкая рабочая привычка. Нужно расслабиться, я здесь гость. Посетитель.

– Жень, ты не обижайся, если что, гормоны у меня...

Киваю, высматривая официанта.

– Все хорошо. Тебе когда рожать?

– После Нового года, на середину января срок ставят.

– Скоро уже. А по животу не скажешь.

– Крошечка будет.

Наконец-то официант соизволил доползти до нашего стола. Семь минут. Я засекала.

– Американо и яблочный штрудель, – делаю заказ.

Ленка же берет себе целую гору еды. До «Детского мира» мы, кажется, не дойдем. Хотя мне нужно купить что-то к Полиному приезду.

Мы минут срок говорим ни о чем. Точнее, говорит в основном Ленка, я тут в качестве слушателя.

– Жень, а ты меня домой не подкинешь? А то я на такси приехала, муж на машине не разрешает теперь ездить. А меня тошнит от этих таксистов. Вечно вонь какая-то в салоне стоит...

– Хорошо. Пойдем, поднимемся в игрушки только...

– Точно, я совсем о них забыла.

В детском отделе я иду напрямиком к LOL, эти куклы у нас вообще отдельная история. Забрав с полки золотой коллекционный шар, иду на кассу. Когда-нибудь эти куклы в шарах-сюрпризах нас точно разорят.

Из торгового центра мы выходим под начинающийся снег. А еще с утра был дождь. Вот она – питерская погода.

– Может, зайдешь к нам?

Это Симонова мне предлагает уже под окнами своей квартиры.

– Не знаю... поздно уже для гостей.

– Ой, не придумывай, пошли. Артурчик и так от моей болтовни устает. Поэтому очень будет рад гостям, – звонко смеется, выкарабкиваясь из салона авто.

– Ладно. Ненадолго только. Мне завтра дочь встречать с мамой.

Подумав об этом, понимаю, что завтра суббота, и Мохов, наверное, уже улетел к отцу на юбилей. Честно, его отъезд настораживает. По крайней мере в период, когда в ресторане творится такое...

Впрочем, у меня будет время и развязанные руки, чтобы попытаться еще раз отвязаться от Мураса и этих наездов.

– Само собой. Идем.

Мы поднимаемся на десятый этаж.

Пока едем в лифте, я невольно представляю весь ужас, если он вдруг ломается и приходится идти пешком. А если у тебя ребенок... в такие моменты начинаешь ценить то, что живешь в девятиэтажке. Пусть и не элитной, а старой, сталинской застройки...

– Проходи-проходи. Артур, – Ленка сбрасывает с себя пальто, – у нас гости. Ты дома?

В глубине квартиры слышится движение. Видимо, дома. Снимаю свое пальто и аккуратно вешаю его на плечики. Ленка любезно убирает вещи в шкаф.

– Дома. Жена моя приехала, да не одна. У меня тоже гости.

Симонов целует Ленку в губы, а мне почему-то становится тошно. Выглядит это не очень. Он пьян. Его действия слегка развязны, и вот уже через секунду он лапает ее за грудь. Кошелева смеется, жеманничает, пытается убрать его лапы.

– Кхм, – пытаюсь хоть как-то обозначить свое присутствие.

– А я ее помню, – тычет в меня пальцем.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит, скорее всего, криво. Становится душно. Пиджак словно сковывает все тело. Хочется от него избавиться, а лучше – уехать домой. Чувствую себя здесь неуютно. Да и одежда... мне всегда... ладно, с определенных пор импонировал строгий стиль. Да и положение обязывает, но узкая юбка с завышенной талией, длиной чуть выше колена и цвета красного мака кажется каким-то корсетом, не позволяющим вздохнуть. Еще и хрустящая белая рубашка. В этой квартире явно надо ходить в спортивном костюме, атмосфера располагает.

– Да, она была на нашей свадьбе. Лунгу.

– Точно, дочка Андрея Станиславовича.

Киваю, топчась на месте. Смотрины какие-то.

– Хорошо, что ты не одна. Не скучно будет, а то мы тут

по маленькой.

– А кто там? – Ленка жметя к мужу, шагая на кухню.

Я, как привидение, иду следом.

– Игорь...

Меня что, это имя преследует? Не успеваю до конца развить мысль, застываю, словно каменное изваяние, посреди кухни. Мурас сидит за столом, упираясь в него локтями. Кидает на меня любопытный взгляд, а потом широко улыбается Ленке.

– Игорь, рада тебя видеть.

– Взаимно, – кивает, вновь касаясь меня взглядом.

– Познакомься, это Женя, мы с ней с детства дружим.

Улыбаюсь как дура, бегая взглядом по кухне. Зашла в гости. Не хотела же... не хотела.

А потом происходит что-то странное. По крайней мере, для меня это нелогично, и очень напрашивается вопрос: почему?

– Игорь, – поднимается со стула, – красивая у тебя подруга, Ленка. Пойдем покурим? – уже Артуру.

А сам в этот момент проходит мимо меня, едва задевая. Становится дурно.

– Лен, – получается тихо. Прокашливаюсь. – Лен, я поеду, у меня завтра много дел.

– Ты из-за Игоречка?

Подобное уменьшительно-ласкательное заставляет вздрогнуть.

– Он хороший парень. Первый зам Артура.

Приехали. И тут твой план провалился. Поздравляю тебя, Лунгу! Победитель по жизни.

– Твой Артур – начальник местного отделения полиции?

– Ага, – надкусывает яблоко, улыбаясь.

Я уверена, что она думает о том, как высоко взлетает в моих глазах. О том, что удачно вышла замуж. Относительно, конечно, но мне плевать. Я опять облажалась, и теперь нам точно никто не поможет. И от Мураса я теперь не избавлюсь. Значит, продолжаем жить в том же амплуа. Спокойствия и подчинения. Так я точно не буду привлекать внимания, и, возможно, он исчезнет сам. Передумает играть. Но если я только высуну голову, буду ему перечить и лезть на рожон... проиграю. Знаю, что проиграю.

Пока я думаю и продолжаю стоять в дверном проеме, мужчины возвращаются на кухню.

– Женя, выпьешь с нами?

– Спасибо, Артур, я за рулем.

– Да ладно тебе, мы по чуть-чуть, – продолжает совать мне стопку.

– Спасибо, извините, мне пора, – отрезаю холодным тоном и иду в прихожую.

Ленка несется следом.

– Жень, ты не обижайся, мужики, что с них взять...

– Все хорошо. Мне правда пора. Пока.

– Жень, мы же еще увидимся? Погуляем. Я так давно с

тобой не общалась... а сегодня, знаешь, как в детстве побывала. Мы же с тобой лучшими подружками были. Помнишь, как мы...

– Я пойду, Лен. Пока, – выдавливаю улыбку, – созвонимся.

Ленка растерянно кивает и закрывает за мной дверь.

Боже, как это сложно. Тяжело. Пока вызываю лифт, из квартиры выходит Мурас. Останавливается рядом. Молчит. Не сказала бы, что он пьян, но взгляд у него не добрый. Кожей чувствую.

Лифт наконец-то распахивает створки, а я совершенно не хочу в него шагать. Потому что слишком тесно. Слишком неправильно. Слишком страшно. Но, вопреки всему, я делаю шаг и абстрагируюсь.

Мурас проходит следом, наваливаясь спиной на стенку. Я быстро нажимаю первый этаж, стараясь отойти как можно дальше от него. Опускаю взгляд, с силой сжимаю ручку сумки. Пока лифт ползет вниз, я успеваю рассмотреть пол, и то, насколько он грязный.

– Прекрати дрожать. Я тебя убивать и насиловать не собираюсь.

Его голос разрывает тишину, а мне становится дико смешно. Удружил. Вот честно.

– Спасибо, – наконец-то касаюсь его лица взглядом, – мне стало легче.

– Прекрати уже бегать и искать того, кто вам поможет.

Дурой выглядишь, — он говорит это с непроницаемой маской на лице.

А мне так противно. Видеть его не могу. Воздух один с ним вдыхать не желаю. Пусть этот лифт уже доползет.

— Никто вам...

Двери открываются, и я, не слушая, что он там говорит, быстро иду на улицу. У машины копаюсь в сумке в поиске ключей. Спиной чувствую его приближение, начинаю нервничать, трясусь брелок, нажимаю на кнопку, но та не срабатывает. Психую и роняю ключи на асфальт, прямо в лужу.

Мурас застывает позади меня, а я не решаюсь немного присесть, чтобы достать этот чертов брелок из лужи. Только успеваю заметить, как это делает он.

— Ты уронила, — вручает мне ключи, — завтра к трем приеду в ресторан. Не опаздывай. Я не люблю ждать.

С этими словами он уходит, а я сильнее сжимаю в кулаке брелок, случайно надавливая на кнопку. Машина издает короткий неожиданный писк, открывая мне двери, а я лишь вздрагиваю, не переставая смотреть в темноту.

ГЛАВА 4

Поспать этой ночью мне не удастся. В голову лезут мысли, я полностью окунаюсь в прошлое...

5 лет назад

После того случая в коридоре на следующие выходные я даже уехала домой. Родители были в шоке, но радостном. Мама наготовила целый стол вкусностей, впрочем, чем ей еще заниматься? Она уже лет десять как не работает. Ее работа – заботиться о нас и об отце. Мы с сестрой из дома выпорхнули, теперь ее основная забота – это папа. И он ее мужественно переносит. Хотя мама может быть чересчур... в общем, кого угодно своим теплом задушить может. Возможно, из-за подобной гиперопеки я всегда и хотела свободы. Найти себя, не влезать в чужие рамки. Не слушать о том, как успешны дети друзей семьи, не слушать, что если не юриспруденция, то делать во взрослой жизни нечего...

Мои родители оба из семей служащих. Полиция, армия, суд... не важно. Важно, что там складываются целые династии, мне планируют большое будущее, а я с завистью смотрю на Дашку, которая ушла из школы после девятого класса и стала парикмахером. Она моя ровесница, а уже сама зарабатывает себе на жизнь параллельно учебе, кайфует от того, что делает, и чувствует себя счастливой.

Я же чувствую себя ущербной. Все мои попытки что-то поменять провалились. Три последние года из жизни вон, какая-то обманчивая видимость свободы... и вот я учусь на первом курсе. Буду юристом по уголовке. Мечта. Не жизнь.

Не моя жизнь. Их! Мамы, отца, сестры, но не моя.

Дома мне душно. В этой огромной квартире, с любящими меня людьми мне совершенно нечем дышать. Переехать в общагу было правильным решением. Там я дышу. А теперь вот и там все наперекосяк. Эти идиоты не дают мне прохода. Вечно смеются, несут какую-то чушь. А я просто прохожу мимо, делаю вид, что мне все равно. Но это не так. Мне ночами в подушку рыдать хочется, и друзей нормальных тоже хочется, но какие мне друзья... все, что были, разбежались... а новые как-то не находятся. Слишком мы разные оказываемся. Очень.

– Женечка, я так рада, что ты решила дома побыть, а то не зайдешь, доброго слова маме не скажешь.

– Очень вкусный пирог, мам.

– Спасибо, – ее губ касается теплая улыбка.

– Как у Юльки дела?

– Вы не созваниваетесь?

– Редко.

Моя сестра учится в Москве. Отличница, спортсменка и просто красавица. Впрочем, если учесть, что мы близнецы, наверное, я тоже ничего так.

– Вы же самые близкие люди друг у друга... Жень, ты пре-

красно знаешь, что Юле тяжело дались последние три года...

Мама еще что-то говорит, но я теряюсь в своих мыслях. Юле тяжело... почему тяжело всем, кроме меня? Никто ни разу не сказал, что плохо было мне, что тяжело тоже мне. Никто из них не был в моей шкуре. Они только осуждают. Осуждают и делают вид, что все в порядке. Ненавижу их за это. Но это такая дурацкая, сиюсекундная ненависть. Она быстро тает. Я очень благодарна своей семье за помощь, за подобие поддержки... но я проклинаяю их за холод.

Мне с детства хотелось, чтобы меня чаще обнимали, целовали, жалели. Но мы выросли в очень сухой на этот счет семье. У нас все это было как-то не принято. Воспитание не позволяло, видимо... не знаю. Поэтому я и выросла такой... бежала к каждому, кто позаботится, окутает нежностью...

Потом добегалась, конечно. Но прошлое не повернешь вспять.

– Жень. Ты меня вообще слушаешь?

– Слушаю. Я пойду прогуляюсь. Немного.

Мама кивает, а я, натянув капюшон на голову, иду на улицу. По дороге, как всегда, копаюсь в себе. Что-то анализирую. Только пустое все это. Мысли, анализ, делать надо что-то, а не перегонять из пустого в порожнее.

Захожу под арку, сталкиваясь со старыми знакомыми. Гулкое эхо проносится мимо меня, и я готова повернуть назад.

– Привет, Женек, тебя выпустили уже, что ли?

– Выпустили, – убираю руки в карманы.

– Пойдем вмажем за освобождение. Я угощаю.

– В другой раз.

– Ты че, кинуть нас решила? – Ящер отталкивается от стены, двигаясь в мою сторону.

Я пячусь. Мне страшно. Я их почти не узнаю. Да и не помню я их в адекватном состоянии. Все наши тусы проходили под кайфом.

– Не могу. Родоки заметят, обратно засунут. А я не хочу...

Оправдываюсь, но сама начинает потряхивать.

Ящер останавливается, а потом начинает ржать.

– Не ссы, Лунга, если что, где меня найти, знаешь.

– Знаю, – улыбаюсь, почти бегом выходя из арки.

Оглядываюсь, выбегая к Неве. Следом вроде не идут. Шагаю вдоль воды и сама не замечаю, что на улице уже давно ночь. Сколько я прошла... но до общаги мне ближе, чем до дома. Поэтому звоню маме, предупредить, что останусь здесь.

На вахте меня обзывают чуть ли не проституткой за то, что я шляюсь невесть где, но в корпус пропускают. И за это им спасибо. В коридоре иду в самый его конец. Открываю окно, вытаскивая из рюкзака пачку сигарет. Купила по дороге. Это, конечно, вредно, но точно не вреднее той дряни, на которой я сидела почти два года.

Прикуриваю, делая затяжку. Дым тонкой струйкой вьется в воздухе, а я смотрю в окно. Вид шикарный. Мусорные ба-

ки. Хорошо, что хоть этаж третий, а не первый. Романтика.
– Зажигалку дашь?

Вздрагиваю. Летая в своих мыслях, я даже не слышала шагов.

– Конечно, – протягиваю зажигалку и только потом обращаюсь к говорящему.

– Ты же Женя? – возвращает обратно.

Киваю, забирая свою зажигалку из его пальцев.

– Игорь, – делает затяжку, – больше на нас не жалуешься? – он улыбается.

Игорь смотрит на меня с явной насмешкой, но, вопреки этому, меня заклинивает на его улыбке... глазах. Очень ярких, голубых, но холодных. Очень неестественный цвет.

– У тебя линзы? – спрашиваю неожиданно, для себя тоже.

– Нет, – убирает руку в карман спортивных штанов.

– Извини, – отмахиваюсь, – показалось. Тихо сегодня.

– Домой все разъехались.

– А ты? – склоняю голову чуть вбок, забывая о медленно тлеющей сигарете.

– А ты? – повторяет мою позу.

– Вопросом на вопрос не отвечают.

– Я запомню, Женя, – хмурится, а потом тушит сигарету в стоящей на подоконнике банке, – много не кури.

Игорь уходит, а я чувствую тепло. Черт, сигарета истлела. Не повод ли это выкурить новую?

Утром я еду в аэропорт встречать маму и Полю. Бессонная ночь не проходит даром, и именно поэтому на моих глазах солнцезащитные очки, под которыми прячутся патчи.

Маму вижу почти сразу, да и как ее можно не заметить, если у нее на руках девочка с такими милыми косичками и в таком ярком розовом костюмчике.

Почти бегом иду к ним, обнимая мать и забирая дочку к себе на руки.

– Мамочка, – Поля обвивает ручки вокруг моей шеи.

– Как долетели? Ты бабушку с ума не свела?

– Нет, она в этот раз себя очень хорошо вела.

– Умница моя. Мамуль, я тебя сейчас домой закину, мне еще в ресторан надо успеть забежать.

– Хорошо. Ты купила машину?

– Ага.

– И не говорила даже, что собираешься, мы бы с отцом помогли...

– Спасибо, я сама. Накопила. Купила. Пойдемте.

Пристегнув Полю в детском кресле, сажусь за руль. Мама как-то недобро осматривает салон. Честно, нет даже желания спрашивать, что не так. Потому что ответ я знаю. Слишком дорого, слишком вычурно, честные люди на таких машинах не ездят.

– Мам, только не начинай...

– Отец с ума сойдет, когда увидит. Это же такие деньги, он всю жизнь вот таких вот, на машинах таких... знаешь,

сколько раз взятки предлагали, а он ни разу не взял. И ничего, вас вырастили и живем как люди.

– Я взятки никому не даю и ничего противозаконного не совершаю. А то, что зарабатываю нормально... – обрываю себя, – извини. Работы просто много. Извини.

– Ох, Женя, смотри аккуратнее, деньги никогда до добра не доводят, а большие деньги – вообще зло.

– Я тебя поняла.

Как хорошо, что к разгару наших прений я заезжаю во двор родительского дома.

Мама целует Полю, меня и, отказавшись от помощи с сумкой, идет домой. Провожая ее взглядом и оборачиваюсь к дочке.

– Ну что, Кнопка, с мамой на работу поедешь?

Поля кивает, широко улыбаясь. Но я вижу, что глазки сонные. Поэтому нужно побыстрее. Время – еще нет и одиннадцати, дочь я бросать посреди дня не собираюсь, как и будить, если она уснет дома. Кажется выход у меня один. Набираю Мураса.

Он отвечает раза с третьего.

– Что? – очень раздраженно.

– Приезжай в ресторан через полчаса. Позже я не смогу.

– У меня сейчас...

– Я не смогу, у меня ребенок. Или через полчаса, или уже в понедельник, – срываюсь на крик.

– Ладно, – очень холодно, – через полчаса.

– Спасибо.

Но он не слышит. В трубке вовсю бегут гудки.

– Мама, пить хочу.

– Сейчас, моя сладкая, потерпи немножко.

В ресторане первым делом прошу для Поли сок. Она крепко сжимает в ручках стакан, рассматривая зал. Я же постоянно смотрю на часы. Мурас опаздывает уже минут на пятнадцать. Моя злость зашкаливает. Повторно ему набираю, но он не абонент.

Ладно, я предупреждала. Отдаю Ване Полин стакан и, подняв ребенка на руки, ухожу из ресторана. Домой поедem. Припарковавшись в своем дворе, тихо вылезая из машины, открывая заднюю дверь. Полька вовсю дрыхнет, и я не хочу ее будить. Но и на пятый этаж эту лошадку тащить становится все тяжелее. Отстегиваю ремешки детского автокресла, а когда оборачиваюсь, вовремя успеваю накрыть свой рот ладонью, чтобы не заорать. Мурас. Ненавижу, когда он так делает.

– Ты меня не дождалась.

Он говорит громко, и я невольно морщусь. Не хочу, чтобы он ее разбудил.

– Не ори, – шиплю на него, – сейчас, – копаюсь в своей сумке, – на, это твое, – сую ему конверт.

Сама же вытаскиваю Полю, умудряясь тихо закрыть дверь.

– А муж что, не в состоянии помочь? – скалится.

Он стоит и издевается над нами. Вот так неприкрыто. Прижимаю ребенка крепче, морозя Мураса взглядом.

– Это тебя не касается.

Случайно задеваю его сбоку, но мне плевать. Поля начинает шевелиться, открывая глазки.

– Я сама.

Мурас так и стоит за моей спиной, Полина начинает дергаться, желая идти сама, а я сейчас просто завою. Ставлю ее на ноги, крепко хватая за руку.

– Пошли.

– Это кто? – смотрит на Игоря.

– Это дядя с маминой работы, – тяну ее к парадной, но она начинает сопротивляться.

– А что он тут делает? Он к нам в гости?

– Нет. Он уже уезжает, – улыбаюсь, а губы дрожат, – пошли домой.

Мурас ничего не говорит, лишь заинтересованно наблюдает.

Но Поля сегодня решает окончательно сгубить мои нервы.

– А ты летчик?

– Поля, незнакомых нужно называть на «вы», – проклиная взглядом смотрю на Мураса, – он не летчик.

– Плохо. А то бы он сказал папе, чтобы тот быстрее к нам вернулся.

– Пойдем домой, – повышаю голос.

Я в жуткой растерянности. Мне страшно. Я не знаю, как

реагировать, как себя вести. Меня раздражает эта ситуация, и я, как полная дрянь, срываюсь на ребенке.

– Котенок мой, пошли домой, я тебе там купила твоих LOL, огромный шар.

– Там есть и детки?

– Там все есть. Пошли, – тяну ее за руку, и, аллилуйя, Поля шагает к дверям.

– Пока, – машет Игорю рукой.

Это вообще странно. Она мужиков боится. Не переносит почти. А к Игорю сама тянется. Неужели все же дети настолько тонко чувствуют?

Мурас изображает что-то вроде улыбки и идет в нашу сторону. Нет. Нет, только не это. Но он благополучно проходит мимо, садясь в свою машину. Бросил ее у самого подъезда.

Дома Поля отвлекается на новые игрушки. Но хватает их все равно ненадолго.

– Мама, а папа скоро приедет?

Этот вопрос заставляет сжаться. Я всегда понимала, что подобная легенда – сущий бред и просуществует недолго... но не думала, что этот момент придет так скоро.

– Полина, – присаживаюсь перед ней на корточки, беря в свои ладони ее ручки, – наш папа... он скоро вернется, нужно еще немножко подождать.

Внутренне ругаю себя за то, что не могу сказать правду. Впрочем, она еще слишком мала. Не могу же я ей объяснить, что ее отец вообще про ее существование не знает... не могу.

– Хорошо. У нас в садике скоро будут соревнования, сказали, что нужно с мамой и папой приходить. Он успеет?

– Малыш, пойдем ужинать, я там ежиков сделала, ты же любишь?

– Пошли, я Одет с собой возьму.

– Бери и идем.

На кухне Поля лопает ужин, а я сижу напротив, и кусок в горло не лезет. Сегодняшний всплеск эмоций по поводу отца меня морально убил. Я совершенно не понимаю, что делать дальше. Может, к психологу обратиться? Вдруг поможет.

– Мам, а бабушка сказала, что у тебя плохая работа, и что, когда я выласту, буду как деда.

– Будешь, солнышко, будешь. Вырастешь и выберешь себе то, что будет по душе.

– Тогда я буду как ты, командовать, – Полька по-деловому вытягивает шею, а потом слезает со стула.

– Я иглать.

– Беги.

Убираю тарелки в посудомойку, а перед глазами Мурас. Точнее тот вечер. Я тогда никак не могла открыть дверь в комнату. Личину заело.

***5 лет назад**

И почему мне так вечно везет? Очередная пятница, я вновь одна, и вроде все отлично, даже настроение есть, толь-

ко вот стоит мне пару раз прокрутить ключ в замке, как оно пропадает. Дверь не поддается, еще и ключ теперь не вытащить.

Пробую его провернуть, но он ни в какую. Дверь заперта, а я, как собачонка, топчусь на коврике. Прекрасно. И что делать? Вахта и так на меня косо смотрит, спущусь вниз, и скандала не миновать. И не ходит никто, как назло.

Прикрываю глаза, упираясь лбом в деревяшку косяка, и как-то взгляд сам падает на порог соседней двери. Если я попрошу у них помощи... как это будет выглядеть?

Хотя какая уже разница, да и Игорь этот... после нашего совместного перекура меня больше не трогали. Даже, кажется, делали вид, что не знают...

Ладно, была не была. Делаю шаг в сторону и заносу кулак, чтобы постучать. Пара коротких ударов, и дверь передо мной распахивается. Появляется этот бугай... Яша, кажется. Мнусь под его вопросительным взглядом.

– Я... мне, – вздыхаю, набираясь смелости, – у меня дверь заклинило, в комнату не попасть...

– Так ты к нам в гости? – он похабно скалится.

И я только сейчас понимаю, что он пьян. Черт!

– Нет! Мне нужна помощь.

– Кто там? – Игорь показывается из-за Яшиной спины.

– Да вон, соседи нагрянули...

– Чего тебе? – уже Игорь недоволен.

А мне как-то обидно становится. Я ему ничего не дела-

ла... точнее, мне казалось, мы поладили. Блин, опять включается моя привычная навязчивость и недавно приобретенная маниакальная идея найти друзей.

– У меня дверь...

– Что?

– Замок заклинило. Не могу домой попасть.

– Так бы сразу, – басит Яша, – пошли, помогу, чем смогу, – звучит двусмысленно.

– Яков, свалите, – Игорь отталкивает громилу чуть в сторону, – пошли.

– Спасибо, – мямлю...

Игорь выходит, а Яша сразу закрывает дверь. Пока Игорь копается с замком, я облакачиваюсь на стенку, обнимая себя руками.

– Готово, – протягивает мне ключ, толкая дверь, – заходи.

– Спасибо, – улыбаюсь, – очень выручил.

– Не за что. Сигареты есть?

– Да, сейчас. Можешь пройти.

Игорь заходит следом, немного прикрыв дверь. А я, как заведенная, роюсь в рюкзаке в поисках пачки.

– Вот, – протягиваю.

Он вытаскивает оттуда сигарету, кладет на стол, а остальное убирает в свои джинсы. От такой наглости я открываю рот.

– Вредно девочкам курить. Последняя, – кивает на ту, что лежит на столе.

А у меня в голове полный кавардак. Мне хочется и возмутиться, и улыбнуться во все тридцать два зуба. Потому что звучат его слова приятно. С какой-то заботой, что ли... или я себе это придумываю...

– Тогда, может, покурим? Последнюю?

Беру со стола остатки былой роскоши.

– Пошли, – ухмыляется, открывая дверь и пропуская меня вперед.

У окна я вновь зажимаюсь. Не знаю, что говорить. И нужно ли?

– Ты издалека?

Оживаю.

– С чего ты взял?

– Все выходные здесь торчишь в основном, кому долго ехать, пару раз в год только сваливают.

– Нет, недалеко... просто...

А что просто? Правду я ему рассказать не могу. Вряд ли он оценит и поймет. Как это будет звучать? Я бывшая наркоманка, отец которой – судья, но я его опозорила своим поведением, и у нас теперь все окончательно полетело к чертям? А еще не забыть упомянуть, что здесь я, потому что дома не могу находиться чисто психологически? Вряд ли этот ответ кто-то сможет воспринять нормально. Поэтому я тупо вру.

– Просто нет денег ездить часто. А ты? Вы все тоже здесь постоянно... эм... шумите.

Игорь смеется, выкидывая половину сигареты в окно.

– Местный. Я здесь так, в гости захожу.

В его глазах пляшут озорные черти, а еще я вижу в них свое отражение.

– Часто заходишь...

– Отпуск на работе.

– Ты работаешь?

– Ага. Учусь на заочке, для галочки.

– А-а-а... где работаешь?

– А это имеет значение?

– Извини, – опускаю взгляд. – Я, наверное, пойду, спасибо еще раз.

– Да особо не за что. Нам в одну сторону...

– Точно.

Мое поникшее состояние вновь возвращается. У дверей моей комнаты Мурас останавливается вместе со мной.

– Ты завтра занята?

– Да вроде нет, – тереблю пальцами рукава кофты, – а что?

– У меня к тебе дело будет.

– Какое?

– Завтра скажу, – вытаскивает из джинсов телефон, – номер давай.

– Чей?

– Серьезно? – выгибает бровь. – Яшин, конечно.

– Чей? – туплю, чувствуя, как краснеют щеки.

– Твой, Жень, – говорит серьезно.

Но я вижу, что еще немного, и он заржет.

– Блин. Прости, я сегодня без головы.

Игорь записывает телефон и делает звонок.

– Завтра голову не забудь только. Я позвоню.

– Ага, – киваю в такт своих слов.

Он уходит, а я опять запираюсь в комнате на защелку и личину. Почему-то целую ночь я только и думаю об этом расплывчатом завтра. Ворочаюсь и сплю совсем мало. С этими мыслями проходит весь день. Целый день я дергаю свой телефон, проверяю, не пропустила ли звонок, но там все время пусто. В комнате становится темно, и приходится включить свет. Время почти семь, но он так и не позвонил. За стенкой опять начинает орать музыка. Суббота. Весь этаж превращается в какой-то клуб. Крики, смех, и только я оторвана от этого праздника жизни.

Закутываюсь в длинный халат, перед этим переодевшись в пижаму из майки и шорт. Очередная ночь перед сериалом. В десять смываю с лица косметику, уже переставая дергаться и на что-то надеяться. Хотя, а на что я собственно надеялась? И зачем? Какой-то мутный тип, ну помог он мне разок. Ну поболтали мы пару раз ни о чем, дальше-то что? Ничего! А я себе уже напридумывала, книгу написать можно. «Женькины сказки», ага.

Заварив зеленый чай с мелиссой, забираюсь под плед, разворачивая ноутбук, стоящий на стуле у кровати.

Не успеваю досмотреть заставку, как начинается звонить телефон, валяющийся где-то в кровати. Отставив кружку на

пол, шарю руками под пледом в поисках звонилки. Нахожу и вижу имя человека, звонка которого я ждала почти целый день. Сжимаю зубы и скидываю вызов. Перевожу телефон в беззвучный режим и возвращаюсь к своему чаю и просмотру.

Делаю глоток, немного обжигая язык, а после вздрагиваю от громкого стука в дверь. Раздраженно выпрыгиваю из кровати, оставляя чашку на столике. Открываю защелку, распахивая дверь, и замираю. Мурас стоит прямо передо мной. Лицо недовольное. Запахиваю халат, понимая, что под белой майкой я без белья.

– Я звонил, ты не берешь...

– Планы поменялись, – пожимаю плечами и захлопываю дверь перед его носом.

ГЛАВА 5

Конечно, оставшись наедине с собой, я жалею, что так сделала. Я ведь целый день ждала этой... встречи. Но с другой стороны, облезет. Не буду я, как собачонка, за ним бегать.

Слышу, как громко хлопает соседняя дверь, а после музыка за стеной становится просто невыносимой для моих барабанных перепонки. Мысленно убиваю каждого там присутствующего и, натянув наушники, сажусь за сериал.

Мы живем на восьмом этаже общажного корпуса, и камер у нас нет. Поэтому порядок ночью можно проверить, лишь лично сделав обход. Но вахта, конечно, этого не делает, или делает по чьей-то жалобе. Но жалуются редко. В большинстве своем на выходных все гуляют. А на моем этаже не только на выходных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.